

Философско-педагогические взгляды Б. Н. Чичерина

Л. Е. Шапошников

Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина (Мининский университет),
Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1

Для цитирования: Шапошников Л. Е. Философско-педагогические взгляды Б. Н. Чичерина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 4. С. 696–711. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.408>

В статье анализируются взгляды Б. Н. Чичерина на личность, общество и их взаимодействие. Отмечается, что, с его точки зрения, в обществе существуют две противоположные тенденции — стремление к солидарности и стремление к индивидуализации. В силу своих либеральных установок мыслитель отдает предпочтение индивидуальной свободе. Общество, как показано в статье, для него не является чем-то «целым», оно не существует «помимо лиц». Деятельность личности выступает основой развития социума, так как именно через нее осуществляется приобщение к «мировой энергии» и общим целям человечества. Особое значение в истории отводится Чичериным государству, которое есть «реальное явление», так как именно оно формирует «совокупную волю», т. е. народность, как основу социального развития. В статье анализируется соотношение в историческом процессе народности и человечества (последнее обеспечивает единство истории), подчеркивается, что народы должны усваивать «плоды общечеловеческого просвещения». Из этого делается вывод о том, что в России не может быть никакой самобытной истории, она должна присоединиться к всеобщему процессу развития (очевидно, что данное положение направлено прежде всего против славянофильского учения). Эти общие принципы, как отмечается в статье, Чичерин применял к оценке русской истории. По его мнению, абсолютное самодержавие себя изжило и должно мирным путем эволюционировать к конституционной монархии. Рассматривая различные виды либерализма, ученый обосновывает эффективность «охранительного либерализма», сочетающего свободу с порядком и законностью. При анализе системы просвещения Б. Н. Чичерин, как показано в статье, делает акцент на необходимость осторожности и продуманности в реформировании образования. Он отмечал также важную роль университетов в развитии общества, доказывал необходимость сохранения их автономии и повышения научного статуса.

Ключевые слова: развитие, реформа, идеал, монархия, либерализм, студенчество, просвещение, народность, человечество.

Б. Н. Чичерин был плодовитым ученым, его перу принадлежит множество публикаций, в том числе таких многотомных, как «История политических учений» в пяти частях (объем более 2300 страниц), «Курс государственных наук» в трех частях (объем более 1350 страниц). Одной из последних работ, в которой мыслитель как бы подводит итог своим размышлениям о личности, обществе, праве, нравственности и т. д., стала монография «Философия права», вышедшая в Москве в 1900 г.

При этом работ, посвященных анализу его взглядов, было не так много; правда, ряд из них принадлежит авторитетнейшим исследователям русской философии В. В. Зеньковскому, Н. О. Лосскому. Они оба «отмечали его приверженность гегельянству, но при этом подчеркивали, что правоверным последователем немецкого философа он не был, внося в его систему существенные коррективы. Обосновывая оригинальность взглядов мыслителя на личность, общество, государство, право, Зеньковский и Лосский говорят о целостной системе его построений. В то же время они отмечают, что “современники не оценили его по заслугам”» [1, с. 165], «Чичерина у нас не поняли и не оценили» [2, с. 154]. Известный специалист в области изучения русского либерализма, издатель трудов Б. Н. Чичерина, профессор И. Д. Осипов также считает, что «на многие годы идеи Чичерина были преданы забвению» [3, с. 87]. С этими выводами можно согласиться. В силу этого вызывает сомнение утверждение С. Л. Чижкова, современного исследователя творчества Б. Н. Чичерина, о том, что его «идеи оказали во многом определяющее влияние на формирование и развитие философско-правовых учений» [4, с. 5].

В последнее время интерес к идейному наследию Б. Н. Чичерина возрастает, появились монографии И. И. Евлампиева [5], Л. М. Искры [6], с. Л. Чижкова [4], посвященные мыслителю. Следует также упомянуть содержательные разделы о нем в работах, анализирующих отечественный либерализм; отметим ряд из них, принадлежащих перу А. А. Кара-Мурзы [7, с. 120–125], В. А. Катаева [8, с. 82–159] и И. Д. Осипова [3, с. 73–88]. В нашей работе мы попытаемся ответить на вопрос, почему возрастает интерес к идеям Чичерина у современных исследователей.

Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) происходил из семьи богатых потомственных тамбовских дворян. Он получил хорошее домашнее воспитание, так как его родители были людьми образованными и заботились о просвещении детей. Сам Чичерин вспоминал, что их дом в Тамбове «служил отрядным приютом» для тех людей, которые «искали умственных интересов», а у его отца, несмотря на провинциальную жизнь, не исчезла «потребность высших умственных интересов». Поэтому не только живущие в доме гувернеры обучали детей, но им «давали уроки и гимназические учителя» [9, с. 100]. Затем Чичерин еще специально занимался с профессорами Московского университета, готовясь к экзаменам на юридический факультет. Поэтому неслучайно его вступительные экзамены «увенчались блистательным успехом». Началась студенческая жизнь, причем она протекала в период, когда Московский университет «находился в самой цветущей поре своего существования». Это во многом объяснялось, по мнению Чичерина, тем, что «Министерством народного просвещения управлял тогда граф Уваров, единственный, можно сказать... который... достоин был занимать это место» [9, с. 151].

Он отмечает, что в период его студенчества над умами господствовала германская наука и прежде всего «гегелизм, увлекавший и старых и молодых». Как известно, и учитель Чичерина Т. Н. Грановский был гегельянцем, и от Гегеля, как считал его ученик, он заимствовал «глубокое понимание существа и целей исторического развития». Чичерин также вспоминал, что, будучи студентом, «погрузился в изучение гегелевской философии» и «тщательно ее изучил». Он пришел к выводу: «...кто не усвоил себе вполне логики Гегеля, тот никогда не будет философом и даже не в состоянии вполне обнять и постигнуть философские вопросы» [9, с. 188]. Этот пиетет

по отношению к немецкому философу Чичерин сохранит на всю жизнь, хотя в зрелые годы он и замечал «его односторонность» и стремился внести в нее «поправки и дополнения» (см. об этом подробнее: [2, с. 138–159]).

Новое мирозерцание, которое сформировалось у Чичерина в университете, приводит к критичному отношению к традиционной религии, и в силу этого его «религиозное здание разлетелось в прах» и от «младенческой веры не осталось ничего» [9, с. 169]. Взгляды Чичерина изменились не только по отношению к религии. Одним из элементов этого нового образа мыслей стала приверженность идеям «свободы и равенства». Однако революционные события 1848 г. во Франции «подорвали» у него веру в демократию: хотя он «и продолжал видеть в ней цель», но ее достижение представлялось ему «уже в более или менее отдаленном будущем». Разочаровавшись в «жизненной силе демократии», Чичерин также перестал верить и в справедливость социализма, который характеризовался им как «бред горячих умов» и проявление шарлатанства «демагогов, которым нетрудно увлечь за собой невежественную массу» [9, с. 191].

Вот с такими духовными ориентирами Чичерин по первому разряду окончил университет и стал готовиться к магистерскому экзамену и написанию магистерской диссертации. В это время, как он сам вспоминает, у него начинает слагаться «философско-историческое здание, которое образовало, можно сказать, остов всех... последующих трудов» [9, с. 200]. В большей степени «сродни» его интересам было государственное право, и поэтому Чичерин именно это направление науки выбрал своим главным занятием. В 1853 г. молодой ученый представил на юридический факультет Московского университета свою магистерскую диссертацию «Областные учреждения России в XVII в.», но, несмотря на высокий научный уровень, ее защита столкнулась с большими трудностями: руководство факультета обвинило Чичерина в «ругательстве на древнюю Русь», и поэтому работу не допустили к защите. Только с воцарением нового императора Александра II и началом либеральных реформ состоялась в 1857 г. защита этой диссертации. Несмотря на настойчивые приглашения занять кафедру в Петербургском университете, мыслитель остается верен Московскому университету, и в 1858 г. после приглашения на кафедру государственного права отправляется для подготовки к преподавательской деятельности за границу на стажировку, в ходе которой он общается с ведущими юристами Запада, совершенствуя свои познания в праве. Закономерным является избрание его в 1861 г. профессором кафедры государственного права.

Преподавательская и научная деятельность Чичерина была успешной, и в 1866 г. он защищает докторскую диссертацию «О народном представительстве». Сама эта тема подчеркивала стремление ученого обосновать необходимость эволюции абсолютизма. В работе доказывалось, что «конституционная монархия — лучший из всех образов правления» [10, с. 127]. Однако она не вызвала одобрения в так называемом образованном обществе, так как либералы сочли его «противником представительских учреждений», а монархисты осуждали хотя и умеренный, но все же «тон либерального направления». В. О. Ключевский отмечал в одном из писем, что «никому эта книга в настоящем случае глаз не колет, никто не черпает оттуда объяснения событий и правила для руководства» [11, с. 253]. Вообще стремление Чичерина синтезировать элементы консерватизма и либерализма

делало его «надпартийным мыслителем», что вело к определенной интеллектуальной изоляции. В силу этого и его работы в основном не вызывали большого общественного интереса. В то же время после защиты докторской диссертации статус Чичерина как одного из ведущих профессоров Московского университета укрепился. Поэтому никто не ожидал, что в 1868 г. ученый покинет университет. Он и несколько его коллег были возмущены тем, что при выборах профессоров юридического факультета министерство нарушило «и закон, и здравый смысл», вмешавшись в эту процедуру, относящуюся к компетенции университета. С этого времени он занимается наукой и земскими делами в своем родовом имении в Тамбовской губернии. Это затворничество ненадолго прерывалось после его избрания в 1881 г. Московским городским главой, но независимая позиция ученого, наличие собственного взгляда на пути развития России быстро привели его к отставке, и после этого он уже не занимался публичной деятельностью.

Рассмотрение правовых вопросов, по мнению Б. Н. Чичерина, не может обойтись без уяснения проблем, связанных с личностью, обществом и их взаимодействием, ибо, «не зная природы и свойств человеческой личности, мы ничего не поймем в общественных отношениях» [12, с. 38]. Причем все попытки частных наук понять человеческую сущность обречены на неудачу, так как она не может быть познана эмпирически. Вообще эмпирики свои выводы ограничивают «одним анализом, забывая синтез». В результате они «отвергают метафизику», а вместе с ней — «реальные начала, связующие человеческое знание». Вывод ученого однозначен: «Метафизика должна занимать первое место в исследовании человеческих отношений. Без нее могут получиться совершенно превратные взгляды на коренные вопросы, касающиеся природы человека» [12, с. 57].

Итак, именно философия дает ключ к пониманию особенностей личности и мотивов ее поведения. Исходное положение антропологии — утверждение о том, что «человек есть существо общежительное», так как он с необходимостью вступает во взаимодействие с другими людьми и в результате появляются общественные отношения. Существуют теории, которые именно общество ставят на первое место, так как оно якобы формирует личность. Однако такой подход, по мнению ученого, неверен: он не учитывает того, что человек — это разумное существо, обладающее свободой воли, в силу этого именно личность «есть корень и определяющее начало всех общественных отношений» [12, с. 58]. В этой связи становится ясной необходимость более глубокого анализа природы и свойств личности. Б. Н. Чичерин выделяет пять основных ее характеристик (см.: [12, с. 58–59]).

Во-первых, личность «не есть только мимолетное явление», она является как «постоянно пребывающая сущность»; во-вторых, личность «есть сущность единичная», т. е. она выступает «как самостоятельный центр силы и деятельности»; в-третьих, «личность есть сущность духовная, т. е. одаренная разумом и волею»; в-четвертых, «воля этого единичного существа признается свободной», поэтому человек может «распоряжаться своими действиями» и принадлежащими ему предметами; в-пятых, «личности присваивается известное достоинство, в силу которого она требует к себе уважения». Источником достоинства человека является тот факт, что «он носит в себе сознание Абсолютного», на религиозном языке эта идея выражается в тезисе о том, что «человек создан по образу и подобию Божию». Научное понимание личности с неизбежностью приводит к выводу о том, что человек

«есть существо сверхчувственное, или метафизическое, и как таковое имеет цену само по себе». Поэтому, по мнению Б. Н. Чичерина, оно не может рассматриваться как средство, а не как цель и «не должно быть обращено в простое орудие».

Рассматривая общество, ученый задается вопросом о движущих силах его развития. С точки зрения Чичерина, попытка доказать, что «все человеческое развитие совершается под влиянием экономических и в конце концов материальных факторов», приводит к «полной путанице понятий». Сторонники экономического материализма служебную сторону человеческой жизни делают доминирующей, упуская «из вида все высшее и существеннейшее». Находясь на просветительских позициях, Чичерин именно разуму отводит доминирующее значение в развитии социума. Он, с его точки зрения, даже в материальных отношениях «является владычествующим фактором» [12, с. 61].

Реальным проявлением разумной жизни выступает появление языка — с этого периода становится возможной в обществе духовная жизнь, и в силу этого человечество возвышается «над всем, что дает физическая природа». В ходе развития и усложнения духовной жизни появляются религия, искусство и наука. Они составляют «высшее содержание» социальной сферы и в этой связи выступают «преобразующим фактором» в истории человечества. К этой сфере духа «присоединяются начала практической жизни», в том числе и «низшая область экономических отношений». Поскольку общество состоит из множества лиц, имеющих разные интересы, то данная ситуация вызывает их «бесперывное столкновение друг с другом». Поэтому необходимо регулировать отношения между людьми — так возникает право. Последнее есть «взаимное ограничение свободы под общим законом», и оно, по мнению ученого, «составляет неотъемлемую принадлежность всех человеческих обществ» [12, с. 63].

В самом обществе действуют две противоположные тенденции: одна — стремление к солидарности, так как «все стороны человеческого естества развиваются и достигают полноты только при взаимном общении»; другая — «индивидуализм, состоящий в признании свободы лица, составляет краеугольный камень всякого истинно человеческого здания» [12, с. 66]. Причем для Б. Н. Чичерина именно индивидуальная свобода находится в приоритете, а теории, которые, напротив, утверждают доминирование «целого над частями», не понимают личности и «пригодны для машин, а не для людей» [12, с. 66]. В этой позиции проявляются либеральные установки мыслителя. Они становятся еще более явными, когда он начинает рассуждать о взаимодействии личности и общества. Для мыслителя «общество не представляет ничего кроме взаимодействия отдельных единиц», и для того, чтобы наполнить это взаимодействие реальным содержанием, необходима личность, именно она «есть основной и необходимый элемент всякого общежития» [12, с. 66–67]. Все дело в том, что развитие происходит благодаря целеполаганию, но «цели не существуют помимо лиц». В этой связи «духовное царство целей» должно в какой-то своей части осознаться личностью, и только тогда они «вводятся в жизнь». Однако возникает вопрос: откуда же берется это «духовное царство целей», ведь оно не может опираться на субъективные желания индивида, его источник находится «в общем разуме, присущем человеческому роду и ука-зывающем ему объективные начала духовного мира?» [12, с. 67]. Следовательно, цели развития «не создаются, а сознаются человеком», и это осознание приводит

людей к «общей духовной силе», которая «служит орудием для осуществления идей». Осознанию общих целей человеком способствует «мировая энергия», действующая и в материальном, и в «органическом»¹ мире. Мировая энергия в человеческом обществе обеспечивает преемственность поколений, вырабатывает «духовную связь» внутри этноса, т. е. формирует народность. Последняя есть «уже не физиологическая, а духовная сущность» [12, с. 68]. Народность теснейшим образом связана с государством, и если об обществе «невозможно говорить как о едином целом», то, напротив, «государство как единое целое есть реальное явление». В нем при благоприятных условиях «вырабатывается общая воля», и тогда «народность становится личностью», которая «подлежит развитию». Причем мыслитель специально подчеркивает, что общая, или совокупная, воля «является только в народности, организованной как государство» [12, с. 74]. Исторический процесс протекает неравномерно: он может остановиться на известной ступени развития, что, например, произошло у «большинства народов Востока», народность может исчерпать все свои творческие силы, и тогда она «стареет и умирает», как случилось с Древней Грецией и Римом. Новая ситуация в истории появилась в христианский период, так как христианизированные этносы не проявляют «признаков вырождения и вымирания». Подобное различие объясняется тем, что дохристианские народы «черпали свое содержание главным образом из себя», а послеевангельские этносы «являются органами высшей сущности, представляющей неисчерпаемый источник силы и жизни человечества» [12, с. 73]. Приведенная схема несет явные следы влияния философии истории Гегеля. Стремление Чичерина снять антагонизм между индивидуализмом личности и ее социальностью сводится к констатации трансцендентного воздействия на индивида через мировой разум, формирующий солидарные цели и «общую волю», при этом особая роль в выработке этих качеств народности отводится государству.

Наряду с народностью в истории существует и человечество как «общий дух», который слагается из духов народностей «как общее наследие, которое умножается, переходя от поколения к поколению». Совокупное развитие народностей или человечества также «управляется общим законом, вытекающим из самих свойств человеческого духа как реальной силы, действующей в мире» [12, с. 74]. Однако в истории встречаются народности, которые выпадают из единого всемирного процесса развития, и тогда они «обречены на бесплодие». Следовательно, как считает Чичерин, «только та народность имеет общечеловеческое значение, которая приобщается к этому совокупному процессу и усваивает себе плоды общечеловеческого просвещения» [12, с. 74].

Эти рассуждения направлены прежде всего против славянофильского учения, обосновывающего необходимость самобытного развития России и выступающего с критикой программы, предусматривающей копирование западных ценностей.

Продолжая следовать в русле философии истории Гегеля, мыслитель особое значение в развитии социума отводит великим людям. Именно они являются «инициаторами нового движения», а «толпа следовала за ними только мало-помалу». Подобная роль выдающихся личностей объясняется тем, что они выступают «орудиями всемирного духа» и в силу этого «следуют его законам». Законы имеют

¹ Под «органическим» Чичерин понимает одухотворенный мир (человека).

долгосрочное действие, создавая «подготовленную почву, иначе мысль останется бесплодной». Более того, сам успех в развитии социума зависит от того, какие «он имеет корни в прошлом». В силу этого любые радикальные перемены, совершаемые в короткие сроки, как правило, приводят к негативным результатам. Поэтому «постепенность» составляет «необходимое условие» развития [12, с. 75].

Особая роль в эволюции общества, по мнению Б. Н. Чичерина, принадлежит «теоретическому сознанию», в выработку которого вносят свой вклад философия и другие сферы духа. Именно здесь появляются идеи, служащие «руководящими началами исторического процесса». Особое значение приобретают те из них, которые осознаются «как конечная цель развития», и тогда «они становятся идеалами». Идеалы не могут быть плодом эмпирического сознания, так как они связаны с «возвышением мысли в сверхчувствительную область». В силу этого распространение эмпиризма и связанного с ним реализма приводит к «упадку идеалов» — данный факт и «есть господствующее ныне явление» [12, с. 76].

По мере развития общества происходит и эволюция идеалов. Лишь на Востоке народы «могут пребывать неподвижно в одних и тех же формах жизни». По этому поводу Чичерин замечает: если народ в течение истории руководствовался бы одним и тем же идеалом, то это «было бы признаком застоя» [12, с. 77]. В Европе, напротив, этносы вносят изменения в свои идеалы «по мере того, как они глубже понимают потребности человеческого духа». Причем речь идет о потребностях «совокупного духа», в силу этого «ясно, что истинный идеал не может быть национальным», а представление «о наилучшем устройстве человеческого общества вырабатывается общим сознанием человечества». Национальные особенности в понимании социального идеала не носят принципиального характера, а лишь указывают «на степень развития и на большую или меньшую близость к идеальному порядку». Поэтому хотя этнос и «может дорожить этими особенностями или с ними примириться, но это все-таки особенности, а не идеал». Мыслитель особо подчеркивает, что при оценке перспектив развития социума необходим объективный философский анализ, а не «слепые верования, народные предубеждения или любовь к своему» [12, с. 78]. Если же для народности национальные особенности станут при оценке общества доминантными, то тогда она «окаменеет в них» и тем самым потеряет «самую сильную пружину развития».

Полемизируя с Ю. Ф. Самариним, Чичерин считает, что русский народ, если «он дорожит истиной, должен в особенности воздерживаться от возвеличивания своей родины за счет других» [12, с. 263]. Мы не знаем, были ли в истории убедительные примеры, когда россияне пытались «возвыситься» за чужой счет, зато есть много примеров, когда Запад последовательно проводил русофобскую политику, пытаясь игнорировать национальные интересы России.

Итак, рассуждения Чичерина о социальном идеале опять направлены против славянофильства, обосновывающего необходимость выработки национального идеала. В этом плане он выступает не просто с западных позиций, а как бы предваряет мысли современных глобалистов. Действительно, с его точки зрения, унификация национальных особенностей неизбежна, а это главный лозунг современных сторонников глобализации.

Б. Н. Чичерин, анализируя общие теоретические проблемы, связанные с развитием общества, затем переходит к рассмотрению ситуации в российском социуме.

Естественно, что это рассмотрение исходит из установок его философии истории, изложенных выше.

Так, утверждается, что существенные преобразования в России начались с Петра I, его правление породило «целый мир новых понятий об общественной жизни», и неслучайно для Чичерина он «величайший человек Русской земли». Особенность российской истории, которая отличает ее от истории других европейских народов, «состоит в преобладании начала власти», и время Петра I это наглядно подтвердило, так как император «обнимал» своей деятельностью «всю жизнь народа — от государственного устройства до частного быта». В его деятельности проявляется «смысл нашей прошедшей истории», так как «власть расширяла, строила и скрепляла громадное тело, которое сделалось Русской империей» [12, с. 452]. Преемники Петра I, хотя и с оговорками, все-таки продолжали линию на развитие России, и поэтому XIX в. стал «поворотной точкой русской истории». Либеральные идеи все более проникают в образованное общество, и явление декабристов показало, что они действовали «во имя свободы и права», но их программа была «еще не по плечу русскому обществу». Николай I пытался затормозить развитие России, установил «тяжелый гнет», и «всякое свободное выражение мысли подавлялось беспощадно». Но парадоксальным образом «всеохватывающий деспотизм не только не искоренил в русском обществе либеральных стремлений, а, напротив, развил их в еще большей мере» [12, с. 544].

После поражения в Крымской войне, по мнению мыслителя, «старая система управления разрушилась сама собой». Наконец, произошло освобождение крестьян, составившее «эпоху в истории», которое показало, что «мы не стоим на месте, мы идем вперед, и идем быстрыми шагами» [12, с. 373]. Однако жажда перемен часто принимала деструктивный характер, так как «в этом движении все созданное веками, все, что утвердилось на историческом предании, кажется ветхим хламом» [12, с. 390]. На передний план выходит «дешевый либерализм», призывающий к «безграничной свободе». Однако «органическое развитие общества» при этом отрицается, а оно возможно лишь при условии согласия свободы с порядком, государственностью и законом. Государство на протяжении всей отечественной истории играло громадную роль в жизни русского народа, поэтому те, кто сознательно стали в него «кидать камни», демонстрируют отсутствие «любви к отечеству». Следует также подчеркнуть, что, по мысли Чичерина, отрицание необходимости «повиновения закону» ведет к анархии, в условиях которой невозможно позитивное развитие общества.

Б. Н. Чичерин считает себя «давнишним либералом», любящим свободу, но в современных условиях, с его точки зрения, нельзя поддерживать все то, что «говорится и делается во имя свободы». Дело в том, что российский «либерализм является в самых разнообразных видах».

На самой низкой ступени находится «либерализм уличный», любящий «прежде всего шум; ему нужно волнение для волнения», и это «скорее извращение, чем проявление свободы». Другой вид либерализма «можно назвать оппозиционным»: он понимает «свободу с чисто отрицательной стороны», и все его главные лозунги — «отменить, разрешить, уничтожить». Наконец, по мнению Чичерина, есть высшая форма либерализма — это «охранительный либерализм», его сущность «состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона» [12, с. 471].

Исходя из этой установки, мыслитель считает, что самодержавие сыграло свою позитивную роль в истории России, однако абсолютная монархия необходима лишь для юных народов и «не соответствует уже эпохе их зрелости». Органическая эволюция социума требует формирования у народа «внутренней энергии, той самодеятельности, без которых нет высшего развития». К ограничению самодержавной власти побуждает также соседство конституционных государств, достигших такой «степени развития, когда без самостоятельной деятельности общества обойтись невозможно» [12, с. 374]. Более того, российская власть должна понимать, что если она не будет следовать этим западным путем, то государство не сможет сохранить свое достойное «место в ряду других стран». По мнению Чичерина, история нашего отечества убеждает, что «для России идеалом представительного устройства может быть только конституционная монархия» [12, с. 508]. Она, с одной стороны, сохранит значение монархической власти, а с другой — обеспечит «приобретение к ней народного представительства». Альтернативы этому пути, по которому идет просвещенная Европа, нет, и ничего мы «своего не изобретем». В этой связи ссылки «на какие-то особенности России, которые изъедают ее из общих законов человеческого развития, опять не что иное, как пустая фантазия» [12, с. 508].

Итак, «охранительный либерализм» выступает за органическое развитие социума, отвергает радикальные методы его изменения, стремится соединить монархический образ правления с народным представительством, наконец, он признает необходимость для России повторения западного пути развития, считая его универсальным.

Переходя к анализу педагогических взглядов мыслителя, напомним, что мы уже отмечали приверженность Б.Н. Чичерина просветительским установкам, поэтому очевидно: образование для него — «святое дело». Будучи специалистом в области государственного права, мыслитель понимал, что «из всех отраслей государственного управления народное просвещение есть то, которое требует наибольшей последовательности, осторожности и умения» [12, с. 560]. Он констатировал, что в России образование носит сословный характер. Традиция и законодательство устанавливают существенные различия между дворянством, купечеством и крестьянством, и это относится и к уровню их образования. Только дворянство, «преимущественно перед другими сословиями, приняло европейское образование», более того, только его можно назвать «единственно образованным сословием в Империи». В то же время к просвещению «малопрочно наше купечество и вовсе не причастно крестьянство». Полемизируя со славянофилами, Чичерин считал, что крестьяне не могут быть «мыслящей и деятельной частью государства», а утверждать обратное — «литературные фантазии» [12, с. 411]. С таким утверждением мы не можем согласиться: достаточно вспомнить Смутное время, войну 1812 г., чтобы убедиться в том, что именно народ был главным деятелем этих событий.

Как упоминалось выше, Чичерин не обучался в гимназии, поскольку получал среднее образование дома, но уроки ему давали гимназические учителя. Самым любимым его наставником был преподаватель истории Измаил Иванович Сумароков. На его примере будущий профессор показывал, какие качества необходимо иметь педагогу: он обладал «чистой и благородной душой» и в силу этого «умел и ученикам сообщить свои возвышенные стремления». Сам Сумароков, приобщая

учеников к историческому материалу, не был простым транслятором фактов, а стремился («сколько мог и умел») развивать в детях «любовь к мысли, истине и труду». Оценивая его деятельность, Чичерин подчеркивал, что, «несмотря на всю свою скромность, он ясно понимал задачу учителя истории» [9, с. 101]. Позитивно Чичерин оценивал и уроки преподавателя Закона Божия Якова Петровича Бондаревского. Обычно эта дисциплина в гимназии воспринималась учениками весьма скептически, но Бондаревский «учил ясно и толково», так как был «человек умный». Причем мыслитель отмечает, что эти «уроки не остались только достоянием головы, они становились правилами жизни» [9, с. 103]. Поэтому дети «с глубокою верою соблюдали православные посты, участвовали в обрядах, читали Священное писание».

Будучи уже зрелым человеком, Б. Н. Чичерин внимательно следил за политической Министерством народного просвещения. Министр Д. А. Толстой (при активной поддержке М. Н. Каткова) начал проводить реформу гимназического образования, которая «тяжелым гнетом легла на все молодое поколение». Она предполагала доминирование в гимназии «классического образования», т. е. изучения древнегреческого и латинского языков. Сам Чичерин причислял себя к сторонникам классического образования, но он отнесся к этим преобразованиям негативно. Дело в том, что «просвещение не дается скачками: оно движется медленным путем, тут нужно осторожное и бдительное руководство» [10, с. 275]. Однако вместо подготовки учителей, которых не было, министерство директивно, изменив устав гимназий, ввело классическое образование. Подобная поспешность объяснялась тем, что Катков убедил чиновников в том, что с «помощью зубрения латыни и греческой грамматики он истребит в русском юношестве всякие вольные мысли» [10, с. 275]. Действительно, в гимназиях «водворился самый бездушный формализм», так как «зубрение грамматики» не развивало ум, а вызывало «отупление русского юношества». Цели реформы не были достигнуты, оппозиционность учащейся молодежи нарастала, а «вступающие в университет студенты», как отмечали профессора, «хуже знают по латыни, нежели прежде». Но не только плохое знание классических языков стало результатом реформы. Увеличение объема их изучения в два раза приводило к тому, что для учащихся «самые важные предметы гимназического преподавания: история, русский язык и русская литература — оставались в полном пренебрежении. Молодое поколение разучилось даже писать» [10, с. 276]. Преемник Толстого на министерском поприще И. Д. Делянов, по мнению Чичерина, представлял «отребье человеческого рода» и тоже стремился все регламентировать в образовательной системе. В результате в Министерстве народного просвещения на многие годы утвердился «тяжелый гнет», а проводимые им «новые опыты» только вредили этой важной сфере государственной жизни.

Гораздо более подробно и с большим знанием дела анализирует Б. Н. Чичерин университетские порядки, в которые он окунулся с момента начала учебы на юридическом факультете Московского университета. Мы уже отмечали, что он считал большой удачей возможность оказаться в университете в ту пору «счастливого сочетания» окружающих условий, которых «в России не бывало прежде и как, может быть, никогда уже не будет впоследствии» [9, с. 151].

Министр народного просвещения граф С. С. Уваров и попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов все делали для привлечения в университет

«свежих сил», с тем чтобы «кафедры были замещены людьми с знанием и талантом» [9, с. 153]. Широко практиковались заграничные стажировки для преподавателей университета, а из-за «границы молодые люди возвращались в Россию, воодушевленные любовью к науке, полные сил и надежд». Чичерин вспоминает об особых дружеских отношениях преподавателей и студентов. Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, П. Г. Редькин приглашали студентов даже домой, где «происходили оживленные разговоры не только о научных предметах, но и о текущих вопросах дня, об явлениях литературы» [9, с. 154]. Причем большинство профессоров хотело выявить среди студентов наиболее способных, стремящихся к научной деятельности, и тогда они становились «предметом особенного внимания и попечения». Чичерин отмечает, что сама атмосфера университета, его порядки «были таковыми, что нам жилось в нем хорошо и приятно». Даже обязательная студенческая форма несколько «не тяготила, а, напротив, гордились ею как знаком принадлежности к университету».

К этим позитивным внутренним условиям присоединялось также «отношение университета к окружающему обществу». В период правления Николая I в России «общественная и умственная деятельность всячески подавлялась». Лишь на университетской кафедре, как отмечает Чичерин, «было гораздо более простора; тут не было пошлого и трусливого цензора». Хотя либеральные идеи также пресекались, но все же «под защитой просвещенного попечителя слова раздавались свободнее». В силу этого в 40-е годы XIX в. «Московский университет сделался центром всего умственного движения в России». Конечно, олицетворением этого интеллектуального развития для Чичерина были западники, которые собирались «вокруг профессоров Московского университета». С его точки зрения, именно этот кружок состоял из людей, «веровавших в науку и свободу», в него «слились все прежние московские кружки, и философские и политические, исключая славянофилов» [9, с. 157]. Предвзятость подобных оценок очевидна. Известно, что славянофильские идеи вызывали в обществе не меньший интерес, чем установки западников, и обосновывали их те же выпускники Московского университета.

Уже на первом курсе будущий профессор слушал таких известных ученых, как П. Г. Редькин (по юридической энциклопедии), К. Д. Кавелин (по истории русского права), Т. Н. Грановский (по всеобщей истории), С. П. Шевырев (по словесности). Будущего профессора привлекали лекции Кавелина, так как его курс «был превосходителен во всех отношениях, и по форме и по содержанию». Рассматривая отечественную историю, преподаватель особенно выделял деятельность Петра I, который «вдвинул Россию в среду европейских держав, тем самым исполняя великое ее историческое предназначение». И опять мыслитель проявляет свою «партийную» принадлежность, заявляя, что здравые мысли Кавелина о русской истории свободны «от всех бредней славянофилов, которые, страстно изучая русскую старину, ничего не видели в ней, кроме собственных своих фантазий» [9, с. 161]. Вообще западникам было свойственно все то, что не вписывается в их понимание исторического процесса, объявлять «антинаучными бреднями». Можно согласиться со специалистом в области истории философии, будущим профессором МДА П. В. Тихомировым, который в своей рецензии на книгу Б. Н. Чичерина «Основания логики и метафизики» отмечал у ученого наличие «дурной манеры произносить такие резкие и притом огульные, совершенно немотивированные и безапелляционные

приговоры» [13, с. 310]. Они относились ко взглядам мыслителей, имеющих свою позицию, отличающуюся от установок Чичерина.

Этим грешил и кумир Чичерина — Т. Н. Грановский, которого он считал своим учителем и «идеалом профессора истории». Грановский преподавал всемирную историю и знакомил «слушателей со смыслом исторических событий, с общим ходом человечества в его поступательном движении, с теми идеями, которые развиваются в истории» [9, с. 162]. К обширным историческим знаниям профессора «присоединялось серьезное философское образование», которое необходимо было для правильного понимания исторического процесса, более того, «философское содержание истории было для него общею стихией». Именно Грановский убедил Чичерина в том, что в истории осуществляется «поступательное движение человечества», реализующее «внутренние силы духа» и направляющее «все человеческие общества к высшей нравственной цели — к осуществлению свободы и правды на земле» [9, с. 164]. А поскольку на этом пути наибольших успехов добились западноевропейские страны, то России следует идти по их стопам, усваивая их ценности. Мы уже не раз отмечали односторонность такого подхода, игнорирующего самобытные черты народов.

Гораздо менее восторженно Чичерин оценивал курс близкого к славянофилам С. П. Шевырева, так как он «нападал на немецкую философию» и «строго держался тогдашней казенной программы: православие, самодержавие и народность» [9, с. 167]. Еще более негативно будущий профессор воспринимал курс богословия, который читал профессор-протоиерей П. М. Терновский, удостоенный за курс догматического богословия докторской степени. Этот труд был издан отдельной монографией под названием «Богословие догматическое, или Пространное изложение веры православной кафолической восточной церкви» (М., 1838). По мнению Чичерина, богословие в университете необходимо изучать с целью опровержения «ученой критики», для того чтобы доказать, что она «не в состоянии поколебать существенных основ христианства». Однако читаемый курс «был самый сухой и рутинный». Поэтому, как считал Чичерин, на его внутреннюю жизнь и прежде всего религиозность он воздействовал «не в положительном, а в отрицательном смысле», поддерживая скептицизм по отношению к традиционной религии. Подобная ситуация типична для студенчества, ибо младенческая гармония разума и веры заменяется осознанием того, что это «две противоположные области, между собою не примиренные». Религия не может претендовать на слепое подчинение ей науки, но и последняя не раскрывает «догматическое значение христианства». Духовное и интеллектуальное развитие личности проходит «через период безверия», затем она в конце концов понимает, что может дать наука, и в то же время осознает необходимость «ее восполнить для удовлетворения высших потребностей человеческой природы», тогда и появляется способность «совместить в себе требования разума и стремления веры» [9, с. 170]. Эти этапы мировоззренческой эволюции прошел и сам Чичерин.

Обучение в университете не сводилось лишь к слушанию лекций, они считались «только пособием к настоящим серьезным занятиям». Важным средством обучения было чтение научной литературы под руководством профессоров. Оно приучало студентов к аналитическому отношению к научному тексту, расширяло мировоззренческий кругозор. Но не только литература по праву и истории

интересовала Чичерина. Он вспоминает: едва ли «был в университете хоть один студент, который занимался бы тем, что меня поглощало в то время, именно фило-софией» [9, с. 187].

После французской революции 1848 г. Николай I был напуган и началось на-ступление на университеты как «на рассадник крамолы», благодаря чему «в них установился совершенно новый строй». Прежняя свобода исчезла, а любимая Чи-чериным «философия, как опасная наука, была совершенно изгнана из преподава-ния». К тому же в Крымскую войну было введено военное обучение студентов, т. е. «казарменный дух» еще более утверждался. В результате «Московскому универси-тету, да и всему просвещению в России нанесен был удар, от которого они никогда не оправились» [9, с. 196].

Однако мыслитель свое обучение в университете в целом оценивал положи-тельно. Московский университет «расширил умственные горизонты», «внушил пламенную любовь к науке», приобщил к «неведомым областям знания», т. е. соз-дал базу, опираясь на которую выпускник «мог уже работать самостоятельно».

Все эти качества были необходимы, когда Чичерин взошел на кафедру Москов-ского университета. В своей вступительной лекции по государственному праву, прочитанной в октябре 1861 г., он излагает свое видение задач университетского образования [12, с. 372–384]. Оно должно противостоять «буйному разгулу мыс-ли», ведущему к «анархии умов», и развивать в студентах чувства «гражданствен-ности и порядка», которые воспитываются не шумными речами, а «серьезным усидчивым трудом». Этот труд предполагает всестороннее изучение предмета, которым занимается студент. При этом решение практических вопросов должно опираться на знание жизни, ибо в каждом явлении «отражается вся ее полнота, каждое из них находится в зависимости от всех стихий, входящих в состав целого организма». Очень важно при анализе проблем избегать односторонности, так как «наука должна все объяснить, а не ограничиваться легкомысленным отрицанием положительных данных». Односторонность, упуская существенные детали «жиз-ненных элементов», вступает «в разрез с действительностью и является чем-то для нас чуждым и враждебным». Таким проявлением одностороннего подхода являет-ся противопоставление народа государству, хотя в действительности «государство есть сам народ». В этой связи понятно, что «государственным народом» являет-ся только тот этнос, который «способен установить над собою высший порядок, разумно и единодушно подчиниться верховной власти». Эти тезисы вызвали раз-норечивую реакцию: с одной стороны, одобрение правительства, с другой — воз-мущение студентов, которые «на юридическом факультете освистали Чичерина» [11, с. 184], так как увидели в его позиции поддержку консервативных порядков.

Интересно отметить, что молодой профессор не только призывает студентов усердно трудиться «на поприще науки», но и сам обещает работать вместе с ними, чтобы «не без пользы руководить вами на этом поприще». В итоге Чичерин при-ходит к выводу о том, что преданность науке проявляется тогда, когда человек трудится «спокойно, беспристрастно, либерально». Под либерализмом в науке ученый понимал «свободу мысли», «просвещенное состояние духа», предполага-ющее уважительное отношение к иным взглядам. Тот же исследователь, который «хочет подавлять чужие убеждения, не имеет ни малейшего понятия о свободе». Однако сам Чичерин, как мы уже отмечали, по отношению к славянофилам этого

правила не придерживался, так как постоянно стремился доказать, что их труды «давно забытый литературный хлам» [12, с. 388]. Более того, как отмечает профессор В.А. Катаев, мыслитель пытался противостоять тенденции на усиление влияния славянофильских идей «всеми доступными средствами» [8]. Поэтому, на наш взгляд, весьма спорным является утверждение о том, что «мировоззренческое схождение западника Чичерина и славянофила Аксакова оказалось вполне реальным» [7, с. 123]. Напомним, что для Чичерина И. С. Аксаков не был оригинальным мыслителем, так как «целиком проглотил славянофильское учение и сделался ревностным его последователем» [9, с. 320].

Понятно, почему Б.Н. Чичерин отводил университетскому образованию особую роль: от его качества зависит в целом судьба российского просвещения. Он не согласен с теми, кто сводит задачу университетов лишь к проведению занятий и оценивает только «внешнюю форму преподавания». Подобной позиции «чужд дух университета», так как в нем молодые люди получают не только знания, но и нравственные установки, «привычку к честному труду», навыки общения и с друзьями, и с представителями профессорской корпорации. Поэтому, по мнению профессора, в России «пребывание в университете составляет светлую точку между застоём провинциальной жизни и беспокойною пустотой жизни столичной», в результате чего юношество «начинает приобретать духовные интересы и идеальные стремления» [12, с. 391].

Учёный позитивно оценивал университетский устав 1863 г., который дал университетам широкую автономию, введя выборность как руководства, так и членов профессорской корпорации. Однако этот документ с самого начала подвергался критике со стороны представителей охранительного консерватизма. Возглавили этот поход М. Н. Катков, Д. А. Толстой и поддержавший их К. П. Победоносцев. Вся эта троица характеризовалась Чичериним сугубо отрицательно. Катков — журналист, «чуждый всяких нравственных побуждений»; Толстой — «самый гнусный из русских государственных людей»; Победоносцев оказывал на общество «тлетворное влияние». Однако, пользуясь тем, что в российских университетах молодежь «необыкновенно податлива на разрушительные теории», противники автономии университетов все-таки добились своей цели: в 1884 г. был утвержден новый Устав, который вызвал «нравственное расстройство и унижение» как профессоров, так и студентов. Профессора из представителей науки «превратились в чиновников, обязанных читать лекции», корпоративная солидарность осталась в прошлом, связи между студентами и преподавателями были разрушены. В результате засилья бюрократии и полицейских методов управления университеты «лишены были всяких прав и всякого авторитета» [12, с. 561]. Превратив «университеты в канцелярии», правительство сделало их неспособными «иметь ни малейшего нравственного влияния на молодежь». Отсюда рост нигилистических настроений среди студенчества, нарастание недоверия не только к власти, но и к профессорской корпорации. Эти контрреформы в сфере образования разрушили «зачатки разумно консервативного направления», которое начало укрепляться благодаря Уставу 1863 г.

В заключение подчеркнем: идейное наследие Б.Н. Чичерина, как и многих других корифеев русской мысли, не является только достоянием истории. Идеи охранительного либерализма, обоснование необходимости для России сильной

централизованной власти в сочетании с представительными органами, опирающимися на народную самодеятельность; убедительная критика «площадного либерализма», ратующего за безграничную свободу, и всестороннее доказательство тезиса о необходимости сочетания свободы с ответственностью, которая предусматривает уважение к закону и соблюдение гражданами правовых норм, и сегодня чрезвычайно актуальны.

Мысли профессора о российской системе образования (и прежде всего предупреждение о вреде поспешных в ней реформ), о необходимости интеллектуального развития учащихся и значении изучения научной литературы в этом процессе, об организации систематического труда с целью усвоения знаний, о необходимости внеаудиторного общения преподавателя и ученика не утратили и до сегодняшнего дня своего значения.

Литература

1. Лосский, Н. О. (1991), *История русской философии*, М.: Советский писатель.
2. Зеньковский, В. В. (1991), *История русской философии*, т. 2., ч. 1. Л.: Эго.
3. Осипов, И. Д. (2014), *Философия политики и права в России*, СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
4. Чижков, С. Л. (2017), *Метафизика свободы и идея государства в философии Б. Н. Чичерина*, М.: ИФ РАН.
5. Евлампиев, И. И. (2013), *Политическая философия Б. Н. Чичерина*, СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
6. Искра, Л. М. (1995), *Б. Н. Чичерин о политике, государстве, истории*, Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та.
7. Кара-Мурза, А. А. (2006), *Интеллектуальные портреты. Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв.*, М.: ИФ РАН.
8. Катаев, В. А. (2004), *Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.)*, Саратов: Изд-во Саратов. ун-та.
9. Чичерин, Б. Н. (2010), *Воспоминания*, т. 1, М.: Изд-во им. Сабашниковых.
10. Чичерин, Б. Н. (2010), *Воспоминания*, т. 2, М.: Изд-во им. Сабашниковых.
11. Ключевский, В. О. (1990), *Сочинения*. в 9 т., т. 9, М.: Мысль.
12. Чичерин, Б. Н. (1998), *Философия права*, СПб.: Наука.
13. Тихомиров, П. В. (1894), Несколько критических замечаний на кн. Чичерина «Основания логики и метафизики», *Богословский вестник*, т. 3, № 8, с. 303–326.

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2022 г.;
рекомендована к печати 7 сентября 2023 г.

Контактная информация:

Шапошников Лев Евгеньевич — д-р филос. наук, проф.; shaposhnikov_le@mininuniver.ru

Philosophical and Pedagogic Views of B. N. Chicherin

L. E. Shaposhnikov

Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
1, ul. Ulyanova, Nizhniy Novgorod, 603005, Russian Federation

For citation: Shaposhnikov L. E. Philosophical and Pedagogic Views of B. N. Chicherin. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 4, pp. 696–711.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.408> (In Russian)

The paper analyses B. N. Chicherin's views on the individual, society, and their interaction. The emphasis is made on two opposite social trends — aspiration towards solidarity and individualization. Because of his liberal beliefs, the philosopher appears to favor the latter, prioritizing individual freedom. It is worth noting that for B. Chicherin society is not something single whole, existing beyond the person. A person's behaviour and actions are a stimulus for social development serving as a means to communicate the "world's energy" and goals of humanity. A very special historic role B. Chicherin attributes to the state, as it affects the "collective will", *narodnost'*, which is a basis for social development. Furthermore, the given paper examines the relationship between *narodnost'* and humanity — the latter is a guarantee of the historical unity, meaning that nations are to internalize the products of the historical progress. B. Chicherin arrives at the conclusion that Russia is unlikely to have a unique history of its own, rather it needs to join the historical global developmental process (it is evident that the scholar confronts the Slavophile doctrine). The paper highlights that B. Chicherin applies the afore-mentioned principles to the conceptualization of the Russian history. He sees the absolute autocracy as an obsolete regime that peacefully needs to give way to the constitutional monarchy. When analyzing different forms of liberalism, the philosopher suggests that the most effective one is "protective liberalism", since it encompasses freedom, social order and rule of law. Examining the system of education, the scholar calls for cautious and well thought-over reforms. He acknowledges a leading role of universities in social development, believing in the importance of preserving their autonomy and increasing their academic status.

Keywords: development, reform, ideal, monarchy, liberalism, students, education, *narodnost'*, humanity.

References

1. Losskii, N. O. (1991), *History of Russian Philosophy*, Moscow: Sovetskii pisatel' Publ. (In Russian)
2. Zen'kovskii, V. V. (1991), *History of Russian Philosophy*, vol. 2, pt. 1, Leningrad: Ego Publ. (In Russian)
3. Osipov, I. D. (2014), *Philosophy of Politics and Law in Russia*, St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian)
4. Chizhkov, S. L. (2017), *Metaphysics of freedom and the idea of the state in the philosophy of B. N. Chicherin*, Moscow: IF RAN Publ. (In Russian)
5. Evlampiev, I. I. (2013), *B. N. Chicherin's Political Philosophy*, St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian)
6. Iskra, L. M. (1995), *B. N. Chicherin on politics, state, history*, Voronezh: Voronezhskii universitet Publ. (In Russian)
7. Kara-Murza, A. A. (2006), *Intellectual portraits. Essays on Russian political thinkers of the 19th–20th centuries*, Moscow: IF RAN Publ. (In Russian)
8. Kataev, V. A. (2004), *Liberal Thought in Russia (1860–1880)*, Saratov: Saratovskii universitet Publ. (In Russian)
9. Chicherin, B. N. (2010), *Memoirs*, vol. 1, Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh Publ. (In Russian)
10. Chicherin, B. N. (2010), *Memoirs*, vol. 2, Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh Publ. (In Russian)
11. Kliuchevskii, V. O. (1990), *Essays*: in 9 vols, vol. IX, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
12. Chicherin, B. N. (1998), *Philosophy of Law*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
13. Tikhomirov, P. V. (1894), Several critical remarks on the book Chicherina "Foundations of Logic and Metaphysics", *Bogoslovskii vestnik*, vol. 3, no. 8, pp. 303–326. (In Russian)

Received: November 22, 2022

Accepted: September 7, 2023

Author's information:

Lev E. Shaposhnikov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; shaposhnikov_le@mininuniver.ru